Младший брат, кажется, недолюбливает его.

Ань Лэ снова и снова прокручивал в голове сегодняшний день, пытаясь понять, на каком именно этапе он оступился и что сделал не так, раз брату было настолько неприятно.

Может, стоило выйти из машины и встретить его? Или он слишком медленно ел и затягивал время? А может… из-за того, что он не сразу вышел с вокзала, брату пришлось долго ждать его у школы?

Ань Лэ мысленно перебирал всё, что произошло за день, и ему на мгновение казалось, что он виноват во всём.

Пока он размышлял об этом, в комнату без стука вошли мама и дядя Чжао. Внезапный шум заставил Ань Лэ вздрогнуть.

— Ань Лэ, ты чем тут занимаешься?

Ань Лэ торопливо поднялся на ноги:

— Мама, дядя Чжао.

— Я…

Повернув голову и заметив стоявший в стороне бумажный пакет, Ань Лэ взял оттуда два свертка и протянул им:

— Это гостинцы из дома, мы с дедушкой сами готовили. Тут чай, сушеные фрукты, вяленое мясо…

Речь прервали.

— Ладно-ладно, спасибо за заботу.

Дядя Чжао взял пакет и тут же запихнул его в щель между шкафом и стеной.

— Ань Лэ, ложись-ка спать пораньше. Завтра как раз выходной, дядя сводит тебя развеяться.

Ань Лэ испуганно замахал руками:

— Не нужно, дядя, отдыхайте в свой выходной, не стоит возиться со мной и куда-то вести.

— Подумаешь, какая мелочь! Раз уж ты приехал сюда, значит, ты гость, и дядя обязан как следует тебя принять.

Ань Лэ понял, что дальнейший отказ будет выглядеть неучтиво, и кивнул.

Тут послышался голос Ань Юнь:

— Ань Лэ, ты тапочки привез?

Ань Лэ торопливо опустил взгляд на свои кеды. Дедушка купил их специально перед отъездом, и всю дорогу Ань Лэ берёг обувь, не позволяя ей пачкаться. В комнате на полу, куда ступала его нога, не было видно ни пылинки.

— Я привёз, прости, мама, забыл переобуться.

Чжао Лиюань улыбнулся:

— Ничего страшного, главное — помни на будущее. Просто мы с твоей мамой целыми днями на работе, а по вечерам полы мыть тяжело. Ты и не знаешь, у твоей мамы в последние годы совсем разболелась спина, стоит ей немного согнуться, как всё начинает ныть.

Услышав это, Ань Лэ почувствовал жгучую жалость. Он всегда жил далеко от Ань Юнь и знал лишь то, что ей тяжело работать в городе Цзиньчэн, но даже не догадывался о её проблемах со здоровьем.

— Простите, дядя Чжао, впредь полы буду мыть я. Вы с мамой так устаете на работе, а мне всё равно нечем заняться.

Ань Юнь бросила на Ань Лэ взгляд и кивнула.

Опустив голову и вспомнив подслушанный у двери разговор, Ань Лэ тихо произнес:

— Мама, дядя Чжао, мне кажется, эта комната очень хорошая.

— Если перебираться в кабинет, его придется убирать, это слишком хлопотно. Давайте я лучше останусь здесь?

Ань Юнь и Чжао Лиюань переглянулись.

Лицо Чжао Лиюаня тут же расплылось в улыбке:

— Разве так можно? Ты приехал к дяде в гости, как же тебе жить в кладовке?

— Это всё потому, что у дяди такой маленький дом.

— Но раз уж ты сам хочешь здесь жить, давай тогда не будем переезжать?

Ань Лэ послушно кивнул:

— Угу.

Крошечный балкончик при кладовке соединялся с маленькой ванной комнатой. Она была тесной, без окон, но Ань Лэ она очень понравилась.

Он запер дверь кладовки изнутри, взял полотенце и вошел в ванную, тоже защелкнув замок на двери. Судя по всему, этой ванной пользовались крайне редко: лампочка на потолке тускло освещала помещение, а вентиляционная система работала плохо, издавая при включении сильный шум.

На умывальнике висело зеркало — небольшое, но ровно такое, чтобы в нем отражалась верхняя половина тела Ань Лэ.

В этой маленькой и простой ванной Ань Лэ нравилось абсолютно всё, за исключением разве что этого зеркала, отражавшего его собственное лицо.

Движение, которым он снимал рубашку, замерло. Ань Лэ бросил косой взгляд на себя в зеркало, опустил голову и сделал шаг в сторону. Человек в зеркале исчез, оставив лишь блеклую тень, отброшенную светом лампы на стену.

Зазвучал журчащий звук воды.

Ань Лэ не любил своё тело, но мылся всегда очень тщательно — словно в надежде, что от усердного трения эти безобразные следы хоть немного поблекнут.

Возможно, из-за того, что он впервые уехал так далеко от дома, эта ночь прошла беспокойно. Может быть, он тосковал по дому, хотя в поезде еще не испытывал ничего подобного.

Рано утром следующего дня Ань Лэ проснулся. Тихонько умывшись, он вышел на балкон и уставился в предрассветное небо.

В шесть часов утра небо было сероватым и тусклым. На высотных, вздымающихся и изгибающихся многоэтажках и на извилистых эстакадах мерцали огоньки точек, на далёком

озере едва виднелись силуэты лодок. В городе Цзиньчэн сохранилось немало древних построек: за рядами черепичных крыш небо постепенно светлело, синея, а солнце медленно поднималось над землей, заливая золотым сиянием половину небес.

Ань Лэ редко выпадала возможность любоваться восходом солнца с такой высоты.

Телефон ему купил дедушка перед самым отъездом. Хотя это вроде бы и считался смартфон, разрешение экрана было очень низким, работал аппарат медленно, а камера едва позволяла разглядеть хоть что-то. Ань Лэ не предъявлял высоких требований к технике — лишь бы работало. Он почти не пользовался камерой, но на этот раз взял лежавший рядом телефон и сфотографировал открывшийся вид.

Какой красивый рассход.

подумал про себя Ань Лэ.

Жаль только, дедушки нет рядом.

Ему так хотелось поделиться этой красотой с кем-нибудь.

За дверью раздался грохот хлопнувшей двери!

Мысли оборвались в тот же миг, и Ань Лэ вспомнил, что находится в доме у мамы.

Сердце у него ёкнуло. Он уже хотел было показать эту картину маме, но тут же подумал: должно быть, мама видела такую красоту уже бесчисленное количество раз…

Ань Лэ вышел из комнаты и как раз столкнулся в коридоре с Чжао Лиюанем, который закончил умываться.

Мужчина был одет в свободные шорты и футболку с коротким рукавом, а Ань Лэ — в длинные брюки и рубашку с длинным рукавом.

— Ань Лэ, ты так рано встал?

— Дядя Чжао, доброе утро. Дома я примерно в это же время и просыпаюсь.

Ань Лэ вежливо улыбнулся.

— Вы собираетесь готовить завтрак? Я могу помочь.

— Э, не нужно, внизу есть блинная, можно просто купить готовое.

Чжао Лиюань взглянул на часы.

— Раз уж ты встал, давай я проведу тебя по окрестностям.

— А? — Ань Лэ немного занервничал. — Хорошо, тогда я пойду соберусь.

— Не надо, не надо, пошли так, ничего с собой брать не нужно.

— Но… — Ань Лэ хотел было что-то возразить, но осёкся. — Ладно.

Уже у самого выхода Ань Лэ одолели сомнения:

— А разве мы не позовем маму с братом?

— Они еще не встали, а даже если и встанут, всё равно никуда не пойдут. Что? Боишься, что дядя тебя продаст?

— Нет.

Десять минут спустя Ань Лэ вслед за Чжао Лиюанем вышел на площадь неподалеку от жилого комплекса.

В этот часовой пояс площадь была совершенно пуста, окружающие магазины еще не открылись, и лишь один-два дворника сгребали опавшую листву.

Утренний летний ветерок обдавал приятной прохладой, и Ань Лэ, привыкший кутаться в куртку, зябко поёжился.

— Обычно на этой площади очень оживленно, здесь играют и взрослые, и дети. Днём проходят всякие мероприятия, а к вечеру разворачивается ярмарка, просто сейчас действительно слишком рано, вот никого и нет.

— Зато на рынке в это время народу полно, может, сходим заглянем туда?

Ань Лэ отвел взгляд от окружающих высоток и кивнул спине дяди Чжао:

— Хорошо.

— Рынок, конечно, далековато отсюда, зато выбор продуктов огромный, а кое-что из того, что любит твой брат, можно купить только там.

— У нас под окнами тоже есть супермаркет, но твоя мама вечно считает, что овощи там не такие свежие, как на рынке.

— Узнав, что ты приедешь, мама вчера специально наказала мне пойти на тот рынок, что подальше, и купить еды для тебя.

Ань Лэ слегка удивился, но в его глазах мелькнула капля радости:

— Спасибо, дядя, на самом деле не стоило так утруждаться.

— Больше всего на свете твоя мама переживает за тебя и брата.

— Она так тяжело работает ради вашей с братом учебы и жизни. Иначе как твой дедушка в одиночку, да в таком возрасте, смог бы тебя вырастить? Сам подумай, разве не так?

Стоило заговорить о дедушке, как на сердце Ань Лэ лег тяжелый груз вины:

— Да.

— У твоего дедушки в последние годы тоже здоровье пошаливает, в прошлый раз мама купила ему несколько банок импортных лекарств, которые обошлись ей ровно в месячную зарплату.

Ань Лэ опустил голову — об этом он знал, у дедушки слабое сердце, и он держался только благодаря лекарствам, купленным мамой.

— Твой брат тоже пошел в старшую школу, школа, где он учится, требует больших расходов, а маме нужно думать о будущем вас обоих, поэтому она во всем себя ограничивает. Платье, в котором она встречала тебя вчера, — это подарок на день рождения, который твой брат накопил и купил ей, когда еще учился в средней школе!

Сердце Ань Лэ сжалось.

То платье было очень красивым и так шло маме.

Младший брат умел копить деньги, чтобы купить маме любимое платье, а он… он никогда не дарил ей по-настоящему хороших подарков на день рождения.

Он даже не знал, что любит мама…

— Мама всегда так тяжело работает, я знаю.

Голос Ань Лэ постепенно затих.

Чжао Лиюань бросил на него взгляд, отметив ожидаемую реакцию, после чего тяжело вздохнул:

— Взять хотя бы последнее время: мы с трудом через знакомых нашли новую работу, где платят чуть больше, чем раньше, чтобы вам с братом жилось легче.

— Вот только новый начальник предъявляет высокие требования, дел в последнее время невпроворот, и мы, боюсь, совсем не сможем возвращаться домой, чтобы приглядывать за вами с братом.

— Твоя мама переживает за тебя, думала, раз ты приехал в Цзиньчэн, то должен жить в комфорте, и собиралась нанять помощницу, чтобы та готовила и убирала.

— Да только где ж её найдешь среди лета, эту помощницу? Да и запросы у них немаленькие, твоя мама из-за этого просто места себе не находит!

Выслушав всё это, Ань Лэ еще сильнее уверился в том, что лишь доставляет Ань Юнь лишние хлопоты, и робко предложил:

— Дядя, можно ведь никого не нанимать.

Чжао Лиюань добился того, чего хотел, но при этом изобразил крайнюю озабоченность:

— Но если не нанимать помощницу, что вы станете есть дома с братом?

— Я могу готовить. Я и дома часто стряпал для дедушки, помогал на кухне в ресторане и многому научился. Если брат не против, я буду готовить на нас обоих, и тогда маме не придется никого нанимать.

Чжао Лиюань засомневался:

— Так не пойдет. Твоя мама хоть и молчит, но всё равно переживает за тебя, она не согласится.

http://bllate.org/book/36498/4535192